

Ростовская Мария Федоровна

**Крестьянская школа:
Повесть для детей**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Федоровна Р.**
Крестьянская школа: Повесть для детей: Часть 2 / Ростовская Мария Федоров-
на – М.: Книга по Требованию, 2022. – 325 с.

ISBN 978-5-519-83539-8

ISBN 978-5-519-83539-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ШКОЛА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Открытие школы. — Осень. — Силы природы. — Разсказъ о моровой язвѣ въ Москвѣ въ 1771 — 72 и 73 годахъ.

Второго октября, къ девяти часамъ утра, цѣлая куча мальчиковъ и дѣвочекъ села Высокаго толпилась у избы Михаила Васильевича. Погода была дождливая и сырая; всѣ они вошли въ горницу, и пришлось даже отворить окошечко, такъ стало душно и жарко, — кромѣ того, учитель сейчасъ же увидѣлъ, что слѣдовало начать съ перваго, — осмотрѣть, всѣ ли дѣти чисто вымыты и вычесаны.

— Слушайте, ребята, сказалъ онъ, вы пришли, чтобы приняться за дѣло, но необходимо, чтобы каждый изъ васъ, прежде чѣмъ взять книгу въ руки — зналъ бы навѣрно, что онъ эту книгу руками не перепачкаетъ... руки можно мыть десять разъ на день, а книгу и одного раза нельзя вымыть. Первое — мы займемся этимъ.

Дѣти, по очереди, къ нему подходили: болѣе чистые толпились впередъ, но между ними попался первый Петя.

— Ого-го, Петя! если тебя макомъ засѣять, такъ онъ весь лихо взойдетъ, сказалъ учитель, я думаю, что ты будешь полоскаться въ водѣ какъ утенокъ, цѣлый день, и то вся грязь не отмоеся...

— Я давно въ банѣ не былъ, не съ кѣмъ... оправдывался мальчикъ. Мама все нездорова.

— Тебя Степаша сегодня вечеромъ сведетъ; баня вѣрно будетъ у кого-нибудь топиться, а намъ отказа никогда не бываетъ, а повуда—поди вымой лицо, да руки. — Тебѣ, Ваня, спасибо: ты и чистъ, и вычесанъ.

— Бабушка снаряжала... говорить, въ школу идешь... а школа великое дѣло—надо напередъ умыться, вычесаться и Богу помолиться... сказалъ Ваня, вотъ и сдѣлали такъ...

— И хорошо... Ты, Антипъ, тоже чистъ... сказалъ Михайлъ Васильевичъ слѣдующему, и этотъ чистъ, продолжалъ онъ третьему. Мыться... повелительно приказывалъ учитель тѣмъ, которые оказывались грязными... и они поспѣшно выбѣгали изъ избы вонъ, и тутъ же съ помощью Василисы мылись за дверью на порогѣ.

У насъ въ деревняхъ мало еще заботятся о чистотѣ, а потому чистыхъ, то есть вымытыхъ и вычесанныхъ оказалось очень немного изъ всѣхъ дѣтей набравшихся въ избу. Дѣвочки точно такъ же были небрежно одѣты и грязны, и цѣлыхъ два часа прошло, прежде чѣмъ перемытые они всѣ возвратились въ школу.

— Теперь любю на васъ смотрѣть, сказалъ Михайлъ Васильевичъ, и за азбуку взятыя веселѣе.

Усадивъ дѣтей на приготовленныхъ лавкахъ, послѣ краткой молитвы, Михайлъ Васильевичъ приступилъ къ первому уроку.

Ребята сидѣли чрезвычайно смирно, чинно, и были очень внимательны. Стоя передъ большою черною доскою, учитель писалъ на ней мѣломъ слоги въ два слова, произносилъ ихъ громко, и, по его приказанію, дѣти въ одинъ голосъ за нимъ повторяли. Онъ

придерживался преподаванію по методѣ Золотова; ему въ первый разъ пришлось заниматься съ начинающими, и хотя онъ чувствовалъ въ этомъ дѣлѣ и себя собственно новичкомъ, но не менѣе того, онъ твердо надѣялся, что съ терпѣніемъ и постоянствомъ все по-маленьку наладится и пойдетъ желаемымъ порядкомъ.

На другой день было тоже — только ребята были чуть-чуть почище, чѣмъ наканунѣ; но и тутъ, при общемъ осмотрѣ, пришлось отослать человѣкъ десять еще разъ вымыться. На третій, на четвертый, на пятый день, успѣхи по вопросу чистоты были уже удовлетворительнѣе, особенно дѣвочки подчинялись съ удовольствіемъ требованіямъ Михаила Васильевича, и являлись приглаженные и вычесанные, какъ по праздничному.

Нельзя не сказать, что какъ бы человѣкъ мало ни привыкъ къ чистотѣ, но лишь только онъ съ нею познакомится, то съ каждымъ днемъ она ему становится милѣе и наконецъ даже необходимѣе; кто разъ ее полюбитъ, тому она на всю жизнь будетъ нужна.

Мальчики съ дѣвочками учились вмѣстѣ. Прежде чѣмъ отдѣлить слабыхъ отъ болѣе способныхъ, всѣ они сидѣли вмѣстѣ, даже безъ различія лѣтъ; тутъ были дѣти четырнадцати и даже пятнадцати лѣтъ, и мальчики восьми и девяти, которые, впрочемъ, не отставали отъ старшихъ, и съ искреннимъ желаніемъ учиться, такъ и совалили впередъ, когда дверь въ школу отворялась. Дѣвочки были вообще смѣтливѣе, понятливѣе, но за то не такъ терпѣливы, какъ мальчики; онѣ легче развлекались, и часто слышался голосъ Михаила Васильевича съ слѣдующими словами:

— Оня, что заглядѣлась въ окно? спрашивалъ онъ.

— Тамъ буренка пробирается...

— Пусть ее пробирается, это ея дѣло... а ты свое дѣло знай.

— Анята, эй, Анята, что въ потолокъ заглядѣлась?

— Я гляжу, что у тебя образница хороша...

— Теперь надо склады учить, — гляди лучше на меня...

Но все это обходилось безъ шума, безъ крика, а о розгахъ и колотушкахъ и помину не было.

Дни, недѣли бѣжали, и распредѣленное время проходило какъ-будто еще скорѣй.

Изъ всѣхъ дѣтей, самый способный былъ Степаша, ему было пятнадцать лѣтъ. Худенькій и стройный, онъ казался моложе своихъ лѣтъ, а разумомъ и всѣми приѣмами даже старше инаго восемнадцатилѣтняго. Онъ какъ-будто ловилъ на лѣту всякое толкованіе.

Дьячекъ Сила Матвѣевичъ, несмотря на свою крайне некрасивую наружность, (онъ былъ рябъ и кривъ на одинъ глазъ) не смотря на маленькую его косичку, торчавшую змѣйкой, то на право, то на лѣво, также велъ свое дѣло по ариметикѣ очень исправно.

Дѣти съ рожденія къ нему привыкли, онъ двадцать лѣтъ былъ дьячкомъ въ селѣ, поэтому и не замѣчали его наружности. Какъ человекъ чрезвычайно веселаго нрава, онъ часто своими замѣчаніями и прибаутками смѣшилъ свою публику, но отъ этого ученіе не останавливалось, напротивъ, ребята только съ большимъ весельемъ за него принимались.

Иногда онъ озадачивалъ своихъ учениковъ слѣдующими вопросами:

— Ну-ка, дѣтки, скажите, что больше — двѣ умныя дѣвки, или двѣ дуры?

И вся команда въ одинъ голосъ отвѣчала:

— Двѣ умныя.

— Ну — а двѣ умныя или три дуры?

Ребята переглядывались... и нѣсколько голосовъ отвѣчали:

— Все же двѣ умныя...

— Ну — продолжалъ Сила Матвѣевичъ съ терпѣніемъ и постоянствомъ, а двѣ умныя, или четыре дуры?

Слушатели приходили въ замѣтное недоумѣніе.

— Я у васъ не спрашиваю, что лучше,—а только, что больше, двѣ или три, двѣ или четыре?

Ребята сейчасъ смеянулы, и со смѣхомъ сказали:

— Извѣстно, три больше, чѣмъ двѣ, и четыре еще больше, чѣмъ двѣ...

— Это мы давно знаемъ, замѣтилъ Антипъ, да все же двѣ умныя дѣвки лучше, чѣмъ четыре дуры.

— Что двѣ тутъ, что двѣ тамъ, все равно... Тутъ не объ умѣ рѣчь, что двѣ умныя, что двѣ дуры... все равно — двѣ.

Таковыми словами вразумлялъ онъ своихъ учениковъ и ученицъ.

Кромѣ чтенія, письма и счетовъ, священникъ два раза въ недѣлю толковалъ Законъ Божій.

Отецъ Андрей началъ съ того, что разсказалъ очень просто, вкратцѣ, евангельскую исторію, жизнь, смерть, воскресеніе и вознесеніе Иисуса Христа. Надо сказать, что ребята слушали его съ истиннымъ вниманіемъ и глубокимъ участіемъ. Потомъ отецъ Андрей старался имъ растолковать обѣдню и главныя молитвы, которыя многіе изъ нихъ знали уже паизустъ, но повторяли безмысленно и безсознательно.

Человѣку свойственно любить то добро, которое онъ дѣлаетъ безмездно. И отецъ Андрей съ каждымъ днемъ принималъ болѣе къ сердцу свое преподаваніе въ школѣ Высоковскихъ ребятъ. Со второй недѣли, по открытіи школы, онъ предложилъ еще третій урокъ церковнаго пѣнія, по субботамъ поутру. Михаилъ Васильевичъ былъ плохой музыкантъ, но это его крайне обрадовало, также и всѣхъ дѣтей, особенно Степашу, въ которомъ было столько способностей къ музыкѣ и такой чистый и сильный альти.

Священникъ самъ хорошо пѣлъ; ему помогали Сила Матвѣевичъ и пономарь Антипъ Васильевичъ. Они собирались въ субботу въ школу, и для начала пѣли однѣ обѣденныя молитвы; у нихъ

не было ни нотъ, ни камертона, ни скрипки, поэтому, дѣло, требующее необходимыхъ пособій, безъ нихъ туго подвигалось впередъ, но дѣти чрезвычайно любили это пѣніе; сперва они прислушивались къ нему, потомъ, которые были посмѣльѣе, чуть слышно стали подпѣвать, и можно было надѣяться, что со временемъ мало-по-малу изъ сорока воспитанниковъ и воспитанницъ школы составится хотя небольшой хоръ. Польза этихъ уроковъ была уже въ томъ, что дѣти учили всѣ богослужебныя молитвы и знакомились ближе съ церковными службами. Старики и старушки села были въ восторгѣ, что внучата ихъ наганунѣ какого-нибудь праздника, приходя домой изъ школы, говорили, какую именно молитву запоютъ завтра въ заутреню, и просили бабушку и дѣдушку ихъ разбудить, когда начнется благовѣстъ.

Весь октябрь мѣсяцъ былъ вѣтренный и дождливый; куда дѣвалась краса села Высокого? Улицы были грязны, на поляхъ и лугахъ все заглохло, даже бѣловатая и густая полынь повисхла и поломалась около плетней и изгородѣ. Солнце рѣдко выглядывало изъ-за сѣрыхъ тучъ, которыя грядями ползли низехонько, и всѣ шли однѣ за другими, точно имъ и конца нѣтъ. Природа будто хмурилась, будто скучала и тосковала, а между тѣмъ добро вырабатывалось и въ ненастную погоду, какъ и въ лучшіе весенніе дни. Озимые хлѣба росли пушисто и густо, зеленѣли яркимъ своимъ цвѣтомъ по безконечнымъ полямъ, да и крестьянскія дѣти, пригрѣтыя теплою дѣятельностію Михаила Васильевича и его помощниковъ, также развивались помаленьку, приучались кромѣ ученія къ добронравію и труду. И въ ихъ умѣ и сердцѣ выросло и развивалось то добро, которое, какъ озимые хлѣба, общало крестьянамъ села много надеждъ въ будущемъ.

Школа чрезвычайно занимала Степашу; гдѣ онъ видѣлъ слыхъ, тамъ всегда поспѣвалъ. Умѣя читать, писать и считать, онъ

помогалъ усердно даже и учителямъ, и, не воображая того и самъ этимъ способомъ себѣ собственно дѣлалъ много добра.

Ни что такъ не полезно, какъ учить другихъ, которымъ надо растолковать всякую вещь очень ясно, чтобы они поняли и затвердили. Если кто это дѣлаетъ терпѣливо и разумно, то и въ его собственной головѣ свѣдѣнія и познанія укладываются съ большимъ порядкомъ и послѣдовательностію. Степаша замѣчалъ кто изъ ребятъ былъ способнѣе, и всегда сообщалъ свои замѣчанія Михаилу Васильевичу, когда они оставались вдвоемъ.

— Дяденька, сказалъ онъ одинъ разъ, а въ Гришѣ будетъ толкъ, — поди какой онъ боецъ на счеты! Мы все съ цифрами бьемся, — а онъ по пальцамъ духомъ сосчитаетъ. Ему, пожалуй, ариметика и не нужна?

— Ему-то, напротивъ, она и пригодится лучше, чѣмъ другому, отвѣчалъ учитель.

— Какъ-такъ?

— А вотъ я тебѣ растолкую. Науки ни ума, ни способностей человѣку дать не могутъ. Наши всѣ способности отъ Бога — но науки и труды пособляютъ этимъ способностямъ. Гриша, по твоему, мастеръ считать, а съ ариметикою онъ будетъ считать еще гораздо лучше и скорѣе, и наконецъ будетъ выводить такіе расчеты, которыхъ по пальцамъ ни за что не выведешь... Живя въ деревнѣ, ты мало и видишь въ чемъ помогаютъ науки, но нѣтъ великаго дѣла, въ которомъ онѣ не были бы лучшимъ основаніемъ. Напримѣръ, чтобы построить мостъ черезъ Волгу, какъ ты думаешь, надо ли умѣть считать по цифрамъ?

— Я думаю, на мостъ надо во-первыхъ лѣсу, а тамъ топоры, да руки, отвѣчалъ мальчикъ съ улыбкой... Цифрами, я чай, моста не поставишь?

— А я же тебѣ скажу, что безъ вѣрнаго расчета по цифрамъ, мостъ твой, во-первыхъ, снесетъ, а во-вторыхъ, пожалуй,

онъ и провалится отъ перваго обоза, который съ грузомъ на него вѣдетъ; только при помощи вѣрныхъ исчисленій по цифрамъ, можно узнать и силу теченія воды, вотъ хоть бы взять по Волгѣ, и вѣрность всякаго строенія каменнаго ли, деревяннаго ли, все равно. Только съ помощію науки стали строить мосты на большихъ рѣкахъ. Въ комъ есть способность къ счетной части, тотъ можетъ разрѣшать великіе выводы по цифрамъ, а для того, кто не очень способенъ на счеты—цифры опять будутъ помогать и въ малыхъ дѣлахъ и лучше, и скорѣй, чѣмъ пальцы. Ты говоришь, что Гриша лихо считаетъ: онъ у насъ, пожалуй, отъ этого будетъ первымъ счетчикомъ по селу.

— Давай Богъ, давай Богъ! воскликнулъ Степаша. А какъ я хорошо выучусь, — продолжалъ мальчикъ со смѣхомъ, и улыбка озарила его лицо весело и живо, — буду ли я мельницы строить?

И, отвѣчая себѣ самъ, мальчикъ сказалъ съ увлеченіемъ: „Буду... и все съ машинами, и все съ машинами...“

— Давай Богъ, давай Богъ, отвѣчалъ ему учитель, въ свою очередь.

Если бы кто-нибудь невидимо могъ слѣдить за дѣйствіемъ, которое школа произвела на все село, то непремѣнно замѣтилъ бы оживленіе новыхъ силъ и развитіе новыхъ стремленій — не только въ дѣтяхъ, но и въ родителяхъ: такъ несомнѣнна истина, что ученье — свѣтъ. Ребята, возвращаясь домой, послѣ добросовѣстныхъ трудовъ, бѣжали веселой кучкой и вносили каждый въ свой домъ что-нибудь изъ сѣмянъ, доставшихся на ихъ долю. Матери ихъ съ такимъ любопытствомъ спрашивали о Священной и Евангельской исторіи. Бѣдныя, темныя души, матери также жаждали свѣта, и онѣ искали, хотя можетъ быть и безсознательно, истины, и онѣ къ ней тянулись, какъ тянется къ солнцу самая заглохшая въ полѣ травка.

Но не надо сомнѣваться и въ томъ, что невидимый Свидѣтель

и Помощникъ всякаго благого дѣла тайно присутствовалъ при развитіи Высокинской школы. Этотъ Помощникъ одинъ благословляетъ не только ниву поселанина, но всякій и трудъ, предпринятый съ чистымъ намѣреніемъ добра и пользы. Кто не знаетъ пословицы: *человѣкъ поспѣетъ, а Богъ выраститъ?*

Вечера съ каждымъ днемъ становились длиннѣе. Ребята постарше собирались иногда къ Михаилу Васильевичу, и очень ему хотѣлось придумать занятіе, въ которомъ время проходило бы съ большею пользою для столькихъ свободныхъ и здоровыхъ рукъ. Онъ не имѣлъ самъ привычки ни къ какому ремеслу; его очень затрудняла эта мысль, и онъ рѣшился обратиться къ самымъ дѣтямъ съ слѣдующими словами:

Дружки, сказалъ онъ имъ весело, — теперь полевые работы кончены — вы еще на молотьбу не ходите; чѣмъ же вы цѣлый день заняты? скажи хоть ты, Антипъ.

— Какъ чѣмъ? Дѣломъ. Вотъ хоть бы сегодня, послѣ школы, отецъ велѣлъ запречь нашего косматку и привезти съ гумна соломы. А тамъ я натаскалъ въ избу дровъ, а тамъ накололъ лучины, а тамъ, пора обѣдать подоспѣла... а тамъ вотъ и сюда прибѣгъ. Видишь, дяденька, сколько дѣла...

— А ты, Гриша?

— Я, дѣдушка, и дома все цифры выводилъ. Я же тебѣ скажу, какъ мнѣ любо этимъ дѣломъ заниматься...

— Неужели же, цѣлую зиму мы ничего не будемъ дѣлать по вечерамъ?

— Насъ дядя Ефимъ училъ плести лапти, да котомки, отвѣчалъ Кондратій, такъ мы теперь лыки стругаемъ, да и лапти кое-какъ ужъ потрафили — ничего, идетъ ладно...

Вотъ мнѣ бы очень хотѣлось завести здѣсь такой порядокъ, чтобы, когда вы соберетесь, вы всѣ были бы за дѣломъ... а я покуда стану вамъ что-нибудь рассказывать...

— А мы будемъ слушать, развѣ это не дѣло? спросилъ Степаша.

— Можно, вмѣсто одного дѣла, сдѣлать два. Бываетъ же такъ, что у васъ въ избахъ, на посидѣлкахъ, дѣвки придуть и пѣсни поютъ, такъ и мы будемъ налаживать... я буду рассказывать, вы — слушать, а руки ваши все же могутъ покуда кое-что работать... не знаю только что? Надумайтесь сами... ребята — да и придумайте что-нибудь дѣльное...

— Ужъ гдѣ же намъ что придумать, спросилъ Кондратій, если ты и самъ, дяденька, не придумаешь?..

— Это отъ того, что я отвыкъ отъ деревенской жизни, и мало еще приглядѣлся къ вашимъ нуждамъ, — но и то скажу, пожалуй — дайте мнѣ одну недѣлку времени — и я всмотрюсь ближе, что было бы для васъ хорошо. И вы не дремите, и въ будущую субботу каждый изъ васъ скажетъ, что ему на умъ пришло, да пожалуй, пусть съ собой свое дѣло и принесетъ намъ всѣмъ на показъ. Слышите, ребята? — у насъ цѣлая недѣля на раздумье.

Дѣти пересмѣивались. Имъ казалось непонятнымъ, какъ такъ цѣлую недѣлю о чемъ-нибудь думать; они почти не сознавали въ себѣ и способности думать или размышлять. Между тѣмъ, чѣмъ больше развивается человѣкъ этою дивною способностью, тѣмъ больше познаетъ свои силы и лучше можетъ ихъ приложить къ дѣлу. Замѣчая ихъ недоумѣніе, Михайлъ Васильевичъ тотчасъ же понялъ, что ихъ затрудняло и, чтобы имъ яснѣе растолковать о чемъ была рѣчь, сказалъ:

— Сегодня суббота — у насъ по субботамъ, кромѣ церковнаго ученія, другихъ не бываетъ. Ну. я общаю будущую субботу, когда батюшка и Сила Матвѣевичъ уйдутъ, рассказать вамъ что-нибудь поучительное, только хочу, чтобы каждый изъ васъ принесъ съ собою какую придумаетъ работу. Поняли.

— Поняли, отвѣчало нѣсколько голосовъ вмѣстѣ.